В нашей памяти живы образы великих стариков, мужественных духом, до преклонного возраста сохраняющих бодрость и чувство юмора, несмотря на болезнь, полных творческого горения. Это — Бернард Шоу и Анатолий Франс, Иван Павлов, Уильям Дюбуа. По праву, к современникам, отмеченным теми же замечательными чертами, можно причислить друга Советской страны, всемирно известного ирландского писателя Шона О'Кейси, коммуниста и борца, чьи талантливые произведения широко известны советским писателям.

Мы получили от Шона О'Кейси письмо в ответ на просьбу редакции прислать статью для первомайского номера «Литературной газеты». «Дорогие друзья,— пишет он.— Привет вам. Мне очень жаль, что я должен разочаровать вас и не смогу сейчас написать для вас статью. Я уже не могу ни читать, ни писать. Мне приходится печатать на машинке наугад. И диктовать я не могу потому, что я по несколько раз обдумываю каждую фразу, привык перечитывать написанное и править в процессе работы. Мне очень хотелось бы написать для вашего первомайского номера, и я прошу простить меня, что не в состоянии сделать этого».

Шон О'Кейси все же продолжает работать. Он пишет, что в США выходит сборник его писем, и, по просьбе издательства, он составляет комментарии и пояснения к ним.

Недавно в Торки (Девоншир) у Шона О'Кейси и его жены Эйлин побывал американский публицист Брукс Аткинсон. Мы публикуем очерк Аткинсона о Шоне О'Кейси.

В Торки, у О'Кейси

ЕСЛИ БЫ предаваться унынию было в характере Шона О'Кейси, поводов для уныния он имел бы больше чем достаточно.

О'Кейси худ и немоощен. 83-летний старец, он совершенно ослеп на один глаз и очень плохо видит другим. Болезнь позвоночника вынуждает его проводить большую часть времени, лежа на тахте в кабинете.

Но ничто не может сломить силу духа и неистребимый юмор этого неукротимого ирландского писателя, который вместе со своей женой Эйлин обретается в квартирке на третьем этаже дома, стоящего высоко на пригорке в одном из пригородов Торки.

У писателя оживленный, веселый вид. Чтобы уберечься от

зимних сквозняков, он носит расшитую ермолку, в которой немало смахивает на равнина, и красный домашний халат, делающий его слегка похожим на несколько легкомысленного епископа. Вообще же фигура О'Кейси, на ощупь перебирающегося через комнату, производит странное, но очень слабое впечатление. Попыхивая прокуренной трубкой, источающей крепкий аромат табака «Эринмор», он дружески поглядывает на вас через очки в металлической оправе своим единственным еще немного видящим глазом. Похоже на то, что этот человек наслаждается жизнью, которую он так глубоко знает и по своему собственному жизненному опыту, и благодаря изучению истории, религии, искусства, театра и литературы.

В новом сборнике очерков, который выйдет в свет под заглавием «Под пестрой тибетейкой», Шон О'Кейси подвергнет критике то, что он называет мрачным взглядом на жизнь У. Х. Одена*. «Я никогда не считал жизнь бесцельной, — заметил О'Кейси. — Правда, на моем веку мне при-

* У. Х. Оден — современный английский поэт.

шлось хлебнуть немало горя, но ведь это неотъемлемая часть жизни! Кроме того, я увлеклся борьбой, участвуя во многих схватках». Рукопись новой книги Шона О'Кейси только что прошла через осторожные руки юрисконсульта издательства, который протудировал ее и предложил смягчить некоторые рискованные высказывания. О'Кейси с сожалением говорит, что ему пришлось согласиться с одним таким замечанием, где речь шла о резкой реплике в очерке, посвященном Кеннету Тайнену, театральному рецензенту еженедельника «Обсервер».

Вот уже несколько лет подряд Тайнен пренебрежительно отзываясь о некоторых произведениях О'Кейси и допускает при этом фактические ошибки. Но не таков О'Кейси, чтобы оставаться у кого-нибудь в долгу! «Господин Тайнен, — писал он, — имеет весьма дурное обыкновение плевать выше собственного носа». Шону О'Кейси было жаль поступиться полюбившейся ему фразой. Но он не хочет подводить своих издателей, которые вот уже почти сорок лет издают его. «Кажется, я начинаю смягчаться», — заметил он с лукавой улыбкой.

Из-за того, что у него очень ослабло зрение, Шону О'Кейси все труднее становится писать. Эйлин («Да благословит ее господь!» — повторяет он) помогает ему как только может. Для того чтобы не сбиться, писателю приходится держать работу сантиметрах в десяти от глаза, которым он еще немного видит. Если его что-нибудь отвлечет от работы, у него уходит 10—15 минут на поиски места, где он остановился. Сейчас Шон О'Кейси работает над киносценарием, написанным английским драматургом Джоном Уайтингом на материале первых трех томов автобиографии О'Кейси: «Я стучусь в дверь», «Картины в прихожей» и «Прощай, Ирландия». Фильм будет называться «Молодой Кэссиди».

Шона О'Кейси огорчает то, что в текст киносценария не включе-

на разговорная речь героев подлинника. Из профессионального уважения к творчеству другого писателя он не хочет вносить самовольные изменения в текст Уайтинга. Но старательными каракулями почти полностью ослепшего человека он медленно вписывает в текст некоторые диалоги из своих книг.

Поскольку Шон О'Кейси участвовал во многих схватках и доблестно вел борьбу, широко публике он известен как задиристый, воинственный человек. Но, в сущности, это скромный, сердечный человек с доброй и веселой душой. Его всегда удивляет, когда люди обижаются на его неожиданные выходки. Несколько лет назад архиепископ римской католической церкви в Дублине нанес, по убеждению Шона О'Кейси, оскорбление Джойсу и ему самому, отказавшись отслужить обещанную мессу на театральном фестивале, где должны были ставиться их пьесы. В сердцах О'Кейси запретил играть свои пьесы на подмостках профессиональных театров Ирландии. Вот уже несколько лет как их ставят там только на любительской сцене. Но хотя старая обида все еще жива, Шон О'Кейси не считает свой запрет абсолютным и, возможно, сделает исключение для Дублинского театрального фестиваля, который состоится нынешней осенью.

Несмотря на преклонный возраст и многочисленные недуги, Шон О'Кейси бодр и жизнерадостен, сохраняет юмор. И зимой зелена трава в Торки, а люди продолжают возделывать свои огороды. Пусть О'Кейси больше не может увидеть зеленого дятла, который прилетает на старое дерево в саду у дома, где он живет, — зато он может слушать, как дятел стучит по дереву, как кричит по вечерам серая сова.

«Зеленая ворона», как он сам окрестил себя, сохраняет бодрость духа. Пусть голос его тих — зато в нем много энергии.

редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм Москва Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, отделы: русско-восточной культуры — К 4-06-05, международной жизни — К 4-03-48, зарубежной литературы и искусства — К 4-84-28, информации —

Типография «Литературной газеты», Москва И-51, Цветной бульвар, 30.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
г. МОСКВА

28 МАЯ 1963